

Мы попали в запендю: жизнь в театре, театр в жизни*

Павлины...

Анатолий Борисович Чубайс — мой сосед по даче.

Иногда мы ходим друг к другу в гости без повода, и непременно — по поводу дней рождения, которые у нас с ним почти совпадают по времени. Примерно за две недели до дня рождения Чубайса я начинаю ломать голову, что ему подарить. У него есть все — большой красивый дом буквально завален всевозможными подарками. Год назад, когда я в очередной раз был озабочен поисками подарка, ко мне на дачу заехали приятели — супружеская пара, с которой я знаком уже несколько лет. Шел обычный разговор ни о чем, и мои гости вдруг упомянули про какую-то ферму, где выращивают павлинов и фазанов.

"А не подарить ли павлина?" — подумал я и живо представил, как по красивому саду возле дома Анатолия Борисовича разгуливает важная птица с великолепным разноцветным хвостом.

На всякий случай спросил, нельзя ли будет обратиться на эту ферму, чтобы добыть павлина для Чубайса.

— Конечно, — с готовностью ответили мне мои приятели, — для Анатолия Борисовича всегда можно...

Дальше события развивались очень быстро. Навалилась куча дел в театре, и про павлинов я забыл начисто. Однако дня за три до дня рождения Чубайса к моему дому подъехал автомобиль, и мои недавние гости выпустили из него двух павлинов — самца и самку, попросив с наилучшими пожеланиями передать их Анатолию Борисовичу. Я немножко опешил, потому что не ожидал, что они воспримут мою просьбу так буквально, и не понимал, где держать и чем кормить птиц до того момента, когда их можно будет торжественно подарить соседу.

Пришлось поместить павлинов в гараж. Там они быстро освоились, стали громко кричать, требовать еды и загадили всю предоставленную площадь. Поздно вечером, непосредственно перед днем рождения Анатолия Борисовича, я долго возился с какими-то делами, и уже в половине первого ночи заметил, что в его доме зажегся свет — значит, он вернулся

*Из книги, выходящей в издательстве ЭКСМО

с работы. Решив, что день рождения уже наступил, я позвонил, поздравил его и сообщил, что завтра торжественно приведу через общую калитку подарок — двух редких павлинов. Чубайс, как мне показалось, заинтересовался подарком, по крайней мере, точно не остался равнодушным. Расспрашивал, как их содержать и чем кормить. Мы попрощались, и я с чувством хорошо выполненного долга пошел спать. Наутро меня разбудил телефонный звонок. Это была Мария Давыдовна, жена Чубайса.

— Иосиф, — сказала она очень строгим голосом. — НИКАКИХ ПАВЛИНОВ! Вы поняли? Даже не думайте об этом! А вечером мы вас ждем...

Я очень расстроился. Поводов для расстройства было два: непонятно, что делать, во-первых, с подарком, во-вторых, с павлинами...

В это время я услышал, как от ворот отъезжает машина моего соседа Валеры Туманова. Несмотря на то, что был выходной день, он ехал на работу, в Центробанк. Мне всегда казалось, что Центробанку очень повезло с таким сотрудником, потому что Валера все время проводил на работе — уезжал в несутветную рань и возвращался домой поздно вечером. Жена Валеры, Римма — прекрасная женщина, замечательная соседка и очень хороший врач, — оставалась дома. В силу природной доброжелательности и развитых профессиональных инстинктов Римма всегда с готовностью отзывалась на любую просьбу о помощи. Я набрал ее номер и рассказал всю историю про птиц.

— Римма, они очень красивые, и я не знаю, что с ними делать! Вы не хотели бы взять себе павлинов?

Римма с готовностью и даже с радостью согласилась. При помощи рабочих, которые что-то строили и у нас, и у них, мы соорудили на участке Тумановых большую клетку и поместили в нее злополучных павлинов. Видимо, им там понравилось гораздо больше, чем в моем гараже — вели они себя спокойно и расхаживали по клетке со всей павлиньей важностью.

Вечером, сообразив новый подарок, я отправился на день рождения к Чубайсу. Гостей у него обычно бывает немного. В тот раз присутствовал министр финансов и вице-премьер правительства Алексей Леонидович Кудрин и еще один человек, с которым я знаком не был. Оказалось, что это председатель Центробанка Сергей Михайлович Игнатьев, которого Анатолий Борисович представил мне как "Серезу".

Обстановка была непринужденная и веселая: мы жарили шашлык, выпивали за именинника, много говорили, смеялись, опять выпивали и закусывали... Когда уже стемнело, и мы в очередной раз что-то выпили, я вдруг вспомнил про павлинов и сказал Чубайсу:

— Анатолий Борисович, а нехорошо как-то получилось... Вам подарок был приготовлен, а вы на него даже не взглянули.

Чубайс немного смутился:

— А пойдёмте прямо сейчас на них и посмотрим!

И вся компания двинулась через наш участок к Тумановым. Римма открыла калитку, проводила к клетке, оставила там любоваться павлинами и ушла в дом. Птицы уже дремали и никак на нас реагировали.

— Пусть он распустит хвост! — привычным указующим тоном сказал министр финансов и вице-премьер Кудрин.

Павлин его указание проигнорировал.

На этом история не заканчивается.

Ее продолжение рассказал мне наутро скромный начальник отдела Центробанка Валера Туманов.

Вот почти дословно его монолог:

— Вчера я, как обычно, очень рано уехал на работу. Приезжаю поздно вечером, устал — ну очень сильно! Поднимаюсь к себе, переодеваюсь в шорты. Иду на кухню, сам себе разогреваю еду, накладываю все в тарелку, беру вилку и подхожу к окну...

Тут я решил, что сильно переработал и срочно пора в отпуск, потому что у меня начались видения. На месте, где с утра ничего не было, я вижу клетку, в клетке павлинов, а вокруг клетки — Председателя правления РАО "ЕЭС России" Чубайса, министра финансов Кудрина и своего непосредственного начальника председателя Центробанка Игнатьева!

Я очень испугался, отошел от окна и сел в кресло. Видение не исчезло. Тогда я позвал Римму и спросил, что она видит в окно. Римма потрогала мой лоб рукой, подозрительно на меня посмотрела и сказала, что видит двух павлинов и всех, кого я назвал. А то я всерьез было подумал, что болен!

Автограф

Михаил Андреевич Глузский был большим любителем и великолепным мастером розыгрышей.

Однажды я получил приглашение на презентацию четырехтомника С. Владимова. На подобные мероприятия хожу довольно редко, да и Владимова читал мало... Но в тот раз почему-то пошел.

Презентация проходила в Малом Манеже, и я с удивлением обнару-

жил там большое скопление известных политиков, бизнесменов, писателей, артистов, художников, режиссеров... Говорили речи, выпивали, закусьвали, кивали друг другу, обменивались новостями. Организаторы одаривали присутствующих книгами Владимова, и мне тоже достался пре-красно изданный четырехтомник.

Сам автор стоял в отдалении, и к нему не зарастала тропа: все время подходили люди, и он подписывал книги. С Владимовым я не был даже знаком, поэтому подойти и сказать "Здравствуйте, я — Райхельгауз" было неловко, если не сказать глупо... Поэтому я уже собрался домой, но тут возник Михаил Андреевич Глузский и буквально схватил за рукав:

— Как, вы уже уходите? И не поговорили с Владимовым?! Он очень вами интересовался и специально спрашивал меня, придет Райхельгауз или нет?

Я выразил сильное удивление по этому поводу, но никакого подвоха не почувствовал, а Михаил Андреевич абсолютно искренне продолжал:

— Он знает, что я работаю в вашем театре, и очень хотел с вами пообщаться... Знаете что, вокруг него сейчас много народу, давайте я сам к нему подойду и скажу, что вы здесь!

С этими словами Глузский взял у меня первый том дареного четырехтомника и исчез в толпе. Через некоторое время он появился и, протягивая мне книгу, сказал:

— Там сейчас люди из правительства, ему неудобно их оставить... Владимов написал вам посвящение — прочтите...

Я открыл титульный лист и прочел:

"Уважаемому Иосифу Леонидовичу Райхельгаузу, выдающемуся режиссеру от скромного писателя Владимова с огромной просьбой: открыть все творческие пути и продвигать по служебной лестнице моего друга Михаила Глузского. Ваш Владимов".

Какое продвижение по служебной лестнице может быть у народного любимца и народного артиста СССР?!!

Даже тогда я не сообразил, что это очередной розыгрыш. По дороге домой вспомнил, что подобный автограф у меня уже есть. Как-то на гастролях в Киеве мы с Глузским и его сыном Андреем пошли на Бессарабский рынок. Андрей сделал замечательный снимок, а Михаил Андреевич подписал его: "прошу продвигать по служебной лестнице"...

Зато теперь у меня есть фото с Глузским и четырехтомник Владимова с автографом Михаила Андреевича.

Как жаль, что его розыгрышей больше не будет...

Первая репетиция в "Современнике"

Мой первый спектакль в "Современнике" — "Из записок Лопатина" по повести Симонова. Я сделал инсценировку, и в театре была назначена читка. Присутствовала вся труппа. По традиции артисты должны были высказать свое мнение и решить, принять пьесу к постановке или нет. Почти всем всё понравилось — и Галине Борисовне Волчек, и Олегу Павловичу Табакову, и, что мне было особенно важно, Константину Михайловичу Симонову... Против выступал только один человек — Валентин Гафт. Он так страстно и артистично убеждал всех, что пьеса длинна и плоха, что сразу стало понятно — вот кто должен играть главную роль.

Я сказал Галине Борисовне, что хочу назначить Гафта на роль Лопатина. Она тут же начала меня отговаривать:

— Ты сошел с ума, он же сорвет спектакль... Видишь, я сама с ним не работаю...

Я был тогда мальчиком самоуверенным и упрямым, на уговоры не поддавался, и, недолго думая, назначил репетицию. Были вызваны Валентин Иосифович Гафт и Марина Неелова, тогда еще не известная в Москве молодая артистка. Ее назначили на главную женскую роль. Репетиция была вечером. Озабоченный "правильной организацией творческого процесса", я пришел в репзал сильно заранее: плотно зашторил окна, чтобы с улицы не врвалась другая жизнь, выставил специальный "атмосферный" свет... Рядом суетились монтировщики, что-то раскладывала реквизитор...

С реквизитором я впоследствии очень поддружился, ее звали Елизавета Федоровна Ворона. Вдруг вижу, что она приносит и ставит на подоконник обычную фарфоровую тарелку, причем, зачем-то прячет ее за штору.

— Подождите, — говорю, — тарелка зачем?..

Она как-то замялась и начала неловко оправдываться, что это просто тарелка, так, на всякий случай... Я огляделся — весь остальной реквизит был точно по сцене.

— Пожалуйста, объясните мне, для чего вы все-таки поставили эту тарелку? — еще раз спросил я Лизу.

— Очень прошу, не выдавайте меня!.. Вы такой молодой, у вас первая работа, поэтому я хочу вас предупредить... Валентин Иосифович, вы знаете, у него такой сложный характер, он такой непростой артист... Это он просил поставить тарелку. У нас уже такое было, он, наверно, посреди репетиции ее разобьет!.. Только, пожалуйста, не выдавайте меня!

Мысль лихорадочно застучала у меня в висках:

— Лиза, пожалуйста, поставьте еще несколько тарелок за вторую што-ру... Я за них заплачу. Или из дома принесу...

Лиза совсем перепугалась, но тарелки принесла — все-таки режиссер просит... Началась репетиция. Сидели Гафт и Неелова, и я многословно и с пафосом, свойственным самоуверенной молодости, разбирал сцену. И вдруг практически на ровном месте, буквально ни с того ни с сего Гафт взорвался и завопил:

— Бл..., это невозможно! Это все херня, где тебя учили?!! В ГИТИСе?!! Чему вас там вообще учат?

Я не успел опомниться, как Валентин Иосифович разволновался не на шутку, и уже рикошетом его нападки и обвинения в полном дилетантизме полетели в Неелову. Марина не выдержала, расплакалась и убежала домой. В тот момент, когда за ней захлопнулась дверь, Гафт, вскипятив себя уже до ста градусов, как бы случайно откинул штору, взял в руки тарелку и с силой бросил ее на пол. Тут я тоже как бы случайно схватил припрятанные Лизой тарелки и бабахнул... Осколки полетели такие, что у Гафта возникла пауза, после которой он вдруг сказал:

— Старик! Гениально! Вот так это можно сыграть! На сцене тарелки бить плохо, поэтому нужно заказать большой барабан, и после каждого моего монолога, в конце каждой сцены я должен вот таким сильным ударом бить в этот барабан! Старик, это гениальное решение!.. Ты где учился? В ГИТИСе? Потрясающе тебя научили!.. Это гениально, старик!..

И дальше мы с ним стали замечательно разговаривать, причем говорил, в основном, "самовоспризывающийся" Валентин Иосифович. Через каждые несколько реплик вставлял: "тебя гениально научили" или "слушай, тебя просто чудовищно научили!". Потом мы вспомнили, что он обидел Неелову. Надо отдать должное Гафту, он пошел со мной в администраторскую, позвонил Марине домой, извинился и попросил прийти на следующую репетицию.

"Честно и откровенно"

Когда мы с Валерием Фокиным работали вместе в "Современнике", Галина Борисовна Волчек часто отъезжала в разные командировки или на отдых, и на этот срок назначала одного из нас исполняющим обязанности главного режиссера.

Однажды она уехала далеко и надолго — ее пригласили в Америку ставить спектакль "Эшелон". На этот раз было вывешено распоряжение, в ко-

тором на время отсутствия главного режиссера театра Волчек Г.Б. ее обязанности возлагались на режиссера-постановщика Райхельгауза И.Л. Обязанности заключались в том, чтобы дежурить на спектаклях или указывать зав. труппой, какого артиста поставить играть в очередь в спектакле. В общем, ничего особенного, но мы с Фокиным шутили, что как только Галина Борисовна уедет, мы немедленно поувольняем половину артистов, наберем новых и поменяем репертуар. Была, однако, одна обязанность, которую нужно было выполнять неукоснительно — примерно раз в неделю в определенный день и час докладывать Галине Борисовне о положении дел в театре. Особенно сложно из-за разницы со временем было с Америкой.

В назначенное время я приходил в комнату администрации, куда часто заходили и артисты, и другие сотрудники театра, и ждал звонка Галины Борисовны. То есть раз в неделю шел рапорт о том, что все прекрасно. Даже если что-то было не так, я не хотел расстраивать Волчек. Ну, выпил кто-нибудь лишнего, или вышла плохая рецензия — никакой катастрофы нет! Хотя ругательные статьи в прессе любого главного режиссера могут сильно огорчить.

В очередной раз я взял трубку и стал докладывать:

— Галина Борисовна, все очень хорошо! Спектакли идут прекрасно, аншлаги... О нас очень хорошо пишут в прессе... Михаил Михайлович Рошин написал новую пьесу и отдает ее только нам... Артисты, которых вы недавно взяли в театр, играют замечательно...

Пока я "отчитывался", вокруг стали собираться артисты. Они внимательно слушали рапорт и снисходительно на меня поглядывали — мол, давай-давай, пой песни главному режиссеру...

Когда я изложил все, что можно, Волчек попрощалась:

— Ну хорошо, Иосиф, я все поняла, пока!

В трубке — тишина, но артисты-то этого не знают! И, чтобы как-то отыграться за их ироничные взгляды в мою сторону, я продолжал вещать...

— Галина Борисовна, но если честно, не все так прекрасно, как вы думаете! Вышла чудовищная рецензия, где, наконец, вещи называют своими именами. Пишут, что "Современник" — не лучший театр в Москве... И вообще, я тут посмотрел некоторые спектакли, которые вы поставили, — это, по-моему, достаточно старомодная режиссура... Надо бы все поправить! Мы с Фокиным знаем, как! Вот вы ставите в Америке только потому, что вас туда выпустили, а если бы выпустили Фокина и меня, мы бы постави-

ли гораздо лучше... Мне кажется, вам пора взять тайм-аут, книжки почи-
тать, отдохнуть немножко...

Артисты вокруг притихли, их реакцию можно было бы назвать общим
шоком...

Я поймал кураж и продолжал подыгрывать:

— Что вы, Галина Борисовна, я нормально разговариваю. Да, честно
и откровенно. Нет, меня никуда не приглашают, ни в какой театр... Просто
я решил сказать вам все, что накопилось за эти годы, все, что наболело!

Особенно приятно было видеть, как медленно лица собравшихся во-
круг артистов принимают выражение уже не удивления, а испуга...

И вдруг на том конце провода я услышал голос Волчек:

— Иосиф, это ты что сейчас говоришь?..

В этот момент уже артисты получили огромное удовольствие, потому
что выражение испуга появилось у меня: я побелел, похолодел, и начал
неуклюже оправдываться:

— Э-э, Галина Борисовна... это я шучу так... Мы же тут понимаем, что
вам там скучно... вот, хотели повеселить...

— Ну хорошо, хорошо Иосиф, до свидания! — сказала Волчек с мно-
гообещающей угрозой в голосе.

Надо отдать ей должное — она никогда не вспоминала этот случай...

Москва

